

УДК 821.512.31

doi: 10.18101/1994-0866-2017-3-45-51

ПОЭТ В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ: О ПЕРВОМ ОПЫТЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ БИОГРАФИИ БАИРА ДУГАРОВА

© *Имхелова Светлана Степановна*

доктор филологических наук, профессор,
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
E-mail: 223015@mail.ru

В статье описывается опыт создания литературной биографии народного поэта Бурятии Баира Дугарова (род. в 1947 г.). Речь идет о том, с какими трудностями сталкивается биограф, чтобы выявить единство поэта и эпохи, в которой он жил и творил. Первая половина жизни и творчества бурятского поэта довольно подробно отражена в его книге «Сутра мгновений» (2011), в основу которой лег его дневник 1982 г. Вторая половина может быть представлена как поэтическая и научная деятельность Б. Дугарова, для описания которой необходимо привлечь его поэтические сборники и научные работы, интервью и эссе 1990–2010-х гг. Сложность задачи состоит в том, чтобы увидеть преемственность жизни и творчества этих последних десятилетий с предыдущим этапом, подготовившим и сыгравшим важную роль в расцвете поэтической личности. Существенным моментом в опыте написания биографии стало формирование общей концепции, в которой бы учитывался не только контекст литературного процесса 1970–2010-х гг., но и контекст самой эпохи, объединившей позднесоветское время 1970 — первой половины 1980-х гг. и постсоветский период конца XX — начала XXI в. Драматизм сложной переходной эпохи отразился в процессе поиска поэтом самоопределения, осознания значения и места своего «я» в народной судьбе. Все это позволяет выйти к тому, чтобы осмыслить жизнь и творчество бурятского поэта, вписав их в контекст непростого времени.

Ключевые слова: Баир Дугаров; формирование поэтической личности; бурятская поэзия; литературный процесс; литература позднесоветской эпохи; процесс национального возрождения; национальная идентичность.

Биография народного поэта Республики Бурятия Баира Сономовича Дугарова, несмотря на его большой творческий вклад в бурятскую литературу, еще не написана. Имеются только небольшие статьи к юбилейным датам, составлены обширные библиографические описания изданных произведений и научных трудов поэта, но еще не предпринималось попытки написать его полную биографию. В статье нами описан такой опыт в целях подготовки к изданию коллективной монографии «Писатели Бурятии. Литературные биографии» в издательстве Бурятского университета (2017). Нами решалась одна из задач, всегда стоящая перед биографом писателя, — вписать его жизнь и творчество в контекст той эпохи, в которой он жил и творил.

Прекрасным материалом для биографии писателя являются его мемуары, дневники, интервью разных лет. В 1982 г., когда Б. Дугарову исполнилось 35 лет, он вел подробный дневник, который в конце 2000-х гг. был подготовлен к изданию в виде книги «Сутра мгновений», публиковался вначале в

журнале «Байкал» и затем был издан в 2011 г. [9]. Содержание дневника 1982 г. — основа для создания биографии поэта, отражающая период первой половины его жизни и творчества, тогда как вторая половина — 1990–2000-е гг. — осталась за его чертой, поэтому сведения об этом периоде можно было получить из интервью, рассказов его коллег, например, автора первой монографии о его творчестве Л. С. Дампиловой, и, конечно же, из бесед с ним самим. При этом осветить оба крупных этапа с одинаковой степенью полноты представляло несомненную трудность, необходимо было найти объединяющую их идею-мысль. Вот почему главной задачей стало формирование концепции будущей биографии.

К этой концепции помог выйти именно дневник 1982 г., ставший для нас (он будет помогать и будущим биографам) главным подспорьем, поскольку его автор не только сохранил в записях атмосферу позднесоветского времени, размышления 35-летнего молодого человека о своей жизни, об отношении к окружающим людям, к своим стихам, уже написанным или создающимся, комментирующим события того или иного дня, но и отразил сложившееся мировоззрение зрелого поэта, сознание личности, отстоявшееся гораздо позже, поскольку записи дополнялись на момент их подготовки к опубликованию в 2009–2010 гг. новыми стихами и воспоминаниями о тех годах жизни, которые можно оценить только с высоты нового времени.

Подчеркивая единство творчества и жизни — еще одна сложность, стоящая перед биографом, необходимо было вписать их контекст эпохи, в том числе литературной. Тем более что Дугаров относится к национальным поэтам, выбравшим русский язык для поэтического самовыражения. Вот почему при формировании концепции нами остро ощущалась необходимость обнаружить истоки тесного взаимодействия «своего» и «чужого», национальной истории, национального фольклора и традиций русской культуры и культуры Запада. На протяжении всей жизни поэт остро ощущал этот поэтический диалог Востока и Запада, эту полифонию евразийского пространства, стремился соединить особенности бурятского стихосложения и европейского стиха и в раннем творчестве, и в зрелой поре.

Объяснение того, что бурятский поэт сумел наиболее полно выразить свое творческое «я» не на родном языке, заложено уже в его детстве, которое вначале прошло в горной Оке, а затем в хоринской степи, в русской карымско-семейской деревне, где мальчик познакомился с живой русской речью, и русско-бурятский билингвизм с детства стал постоянным средством общения.

Если же говорить о традиции русской поэзии в творчестве Дугарова, которая уже рассмотрена в ряде исследований, критических и литературоведческих, немаловажным фактом биографии может послужить фрагмент из книги «Сутра мгновений», где ее автор вспоминает об одном факте своей биографии, особенно интересном для историка литературы. В нем он может обнаружить доказательство родства лирики с поэзией русских классиков и подтверждение глубинных параллелей в ней с поэзией русских классиков, которое уже подчеркивалось в отдельных работах [10]. В дневниковой записи от 23 мая 1982 г. находим это подтверждение: «Однажды мне приснился Вениамин Каверин, один из той плеяды писателей, связанных незримыми нитями с

Серебряным веком. Во сне Каверин, которого я лично не знал, предлагал мне отправить свою книжку. Сон был настолько отчетливым и необычным, что я не мог его не запомнить. И решил проверить это сновидение. Отыскал в справочнике писателей адрес В. Каверина и отправил ему свою первую столичную книжку. К моему великому удивлению, спустя некоторое время получил ответ».

В. Каверин написал: «Дорогой Баир, спасибо за “Дикую акацию”. Я с интересом и глубоким вниманием прочитал Вашу книгу. В ней искренность соединяется с точностью — черта подлинного поэта. Чувствуется, что Вы знаете и любите Заболоцкого и Пастернака — двух королей нашей поэзии. Но влияние их лишь мелькает из глубины, не мешая Вашему дарованию, а напротив, я бы сказал — украшает его. Словом, Вы порадовали своей книгой. Желаю Вам новых успехов, здоровья и счастья». Письмо датировано 22 мая 1980 г. [9, с. 147].

Не каждый современный поэт может похвастаться подобной оценкой своего творчества, очень тонкой и точной, исходящей к тому же от такого авторитета русской литературы. Влияние поэтов такого ранга, как Пастернак или Заболоцкий, на которое указал В. Каверин, в лирике настоящего поэта действительно должно быть очень творческим, находиться в глубине лирического дара, украшая и усиливая его оригинальность. Этот эпизод позволял объединить судьбоносные события детства, первых поэтических успехов с более поздними высказываниями поэта, с мировоззрением уже зрелого человека.

Так, на одной из последних встреч с читателями в 2017 г. Дугаров отзовется об известнейшем поэте эпохи «позднесоветской бронзы», одном из ее официальных певцов — Евгении Евтушенко (из книги «Сутра мгновений» можно узнать, как пересекались с ним пути автора [9, с. 117–118]), который снова заговорит о своем желании услышать слова позднего раскаяния от автора одической и одиозной «Братской ГЭС». «Ему бы покаяться за то, что он воспел эпоху, изнасиловавшую дочь Байкала — красавицу Ангару. Исказившую облик заповедной земли древних улигершинов и жрецов священного простора... но поэт в своей великодержавной эйфории, наверно, ни разу и не подумал об этом. Да и вряд ли такое могло ему придти в голову. Не тот человек, хотя объявляет себя вроде сибиряком» [9, с. 118]. Поэт прочитает на встрече стихотворение 1980-х гг., где вслед за трагическими книгами Валентина Распутина о родной реке и родной Матере озвучено авторское чувство большой трагической силы:

Море Братское — невиданная сила.
Не о ней ли громко, на весь мир поют.
Море братское — братская могила
колыбельных песен и старинных юрт.

Ты расти, цветы, страна моя большая,
сохрани природу — чудо из чудес.
На груди Сибири, рану прикрывая,
как Звезда Героя, светит ночью ГЭС [6, с. 114].

Таким образом, в раскрытии единства всех периодов жизни и творчества поэта необходима общая концептуальная мысль. Она подсказана лейтмотивом книги «Сутра мгновений» и может быть сформулирована как глубоко драматичное чувство поэта, которое отмечалось одним из первых вдумчивых критиков его творчества. Э. Бальбуров, написавший рецензию на первую вышедшую в столичном издательстве поэтическую книгу Дугарова «Дикая акация» (1980), увидел в ней отражение внутренней драмы в душе лирического героя, отпечаток некоего разлада в мироощущении автора [2]. В лирическом сборнике «Небосклон», вышедшем в 1986 г., поэт более откровенен: *«Я пишу стихи / про любовь, / словно / заговариваю словом / собственную боль. / Я пишу стихи / про огонь и снег, словно / заговариваю словом / от беды наш век... / Заговариваю словом, / обретаю крылья. / Заговариваю словом, / плачу от бессилья»* [8, с. 9–10].

Для русскоязычного поэта драма, выразившаяся в творчестве позднесоветского времени, сродни тому чувству тоски, «неотвратимой» и «необъяснимой», которым всегда была отмечена русская поэзия, устремленная от несовершенства земной жизни к жизни вечной, трансцендентной. Это же чувство не меньше свойственно и поэзии Востока. Она благотворна и как импульс к творчеству. Но внутренняя драма, намеченная в лирике Дугарова, имеет более конкретные основания и потому может служить отправной точкой для биографа.

Чувством тоски и печали пронизаны строки многих стихотворений 1980-х гг. о том, что на родине позабыты степные законы и правят инородные, чужие. В написанном тогда же стихотворении «Селенгинская элегия» лирический герой с долей иронии размышляет о бурятах, улан-удэнцах, которые позабыли о тех, кто издревле проживал на их родной земле, которые «знают Модогоева, но не знают о Модэ». И завершаются размышления героя фразой: *«Странно жизнь у нас устроена. / Не хотим мы быть собой...»* [9, с. 16–17].

Мучительное ощущение этого душевного разлада можно увидеть в автобиографическом герое многих произведений 1970–1980-х гг., где герой-писатель стремится к важному в его жизни моменту обретения собственного «я», моменту самопознания, который возможен благодаря совестливой памяти, помогающей определять и собственную судьбу, и судьбу других людей, и общее направление социальной истории. Это и роман Ю. Трифонова «Время и место» (1980), рассказ В. Распутина «Что рассказать вороне?» (1982), это особенно поэзия тех лет, где лирический герой — alter ego автора наиболее исповедален. Это и тот внутренний разлад, который он отмечает у собратьев по перу — и у сверстников (Намжил Нимбуев), и у поэтов старшего поколения — Даши Дамбаева, с которым привелось студентом работать в газете «Хэжэнгын гол» («Долина Кижинги»), Дондока Улзытуева, увидевшего национальные черты в первых опубликованных строках Дугарова [7]. В книге «Сутра мгновений» имеется запись: считая обоих песенными поэтами, жаворонками бурятской поэзии, он горько формулирует причину их рано закончившегося полета: *«Разлад с действительностью — от высоты полета»* [9, с. 319].

События, легшие в основу дневника 1982 г., объединяет выстраданная, постоянно повторяемая и поэтически сформулированная мысль: *«Жить в ладу с*

самим собой потруднее, чем с эпохой» [9, с. 306]. Стремление преодолеть душевный разлад, тревогу, надолго поселившуюся в душе, выразится в поиске собственного пути, в страстном желании самоопределения. Ведь уже студенческие годы и годы журналистской работы в газете «Правда Бурятии» сразу после окончания Иркутского университета будут отмечены этим поиском. Острое ощущение внутреннего родства не только с великими предками, которые станут «предтечами» в творческой и научной работе (а их много — это и И.-Г. Галшиев, автор «Зеркала мудрости», и первый бурятский ученый Доржи Банзаров, это и тибетский поэт-отшельник Миларайба), но и со всеми встреченными стариками родной Оки или степной Кижинги зажжет искру познания собственной души, заставит взглянуться в прошлое в поисках себя самого.

Со студенческих лет возникший интерес к буддийскому прошлому своего народа был тесно связан с поисками своего предназначения, своего пути, своего «я». Внутренне это ощущалось как «возвращение» к тем буддийским проповедям, по которым жили деды и прадеды. Уже первая лирическая книга «Золотое седло», вышедшая в Иркутске, заявляла стремление поэта возвыситься до понимания своих национальных истоков.

Знать хочу я все давние были,
о которых и старцы забыли.

Мой исток — из глуби столетий.
Потому-то на белом свете

интересно мне нынче жить —
прах минувших времен ворошить [5, с. 19].

И это стихотворение в первой книге можно назвать манифестом молодого поэта, который претендовал, не больше не меньше, на то, чтобы Великая степь обрела в нем своего поэта. Позже родится стихотворение «На исходе тысячелетья»: *«Крутые волны бытия / Смели с планеты след монгольского коня. / Но предков дух возвысить до вселенной / Сумела Степь в свой звездный час. / И песнь ее сказаньем сокровенным / Сквозь времена во мне отозвалась»* [4, с. 97].

Итак, и стихи, и дневниковые записи свидетельствуют об одном: начинающий поэт постоянно был занят поисками своей личностной идентичности, тем более что сочинение стихов о поисках и обретении своего «я» стало каждодневной потребностью, а интуитивная тяга к истории своего рода, своих предков, к собственным истокам («истоковедение» — так называл Дугаров свою работу в отделе искусствоведения Института общественных наук (ныне ИМБТ БНЦ СО РАН)) помогала в этом внутреннем движении. Желание самоутверждения, самоидентификации, желание стать самим собой неотрывно от общего движения родного бурятского этноса к поре национального возрождения — началу 1990-х гг., отмеченных стремлением бурятского этноса к национальной идентичности. Размышления поэта и ученого о личной идентичности неотрывны от сокровенной мысли об идентификации этнической, национальной. Потребность самопознания — одна из главных причин обращения к дневниковым записям.

В своем «истокведении» Дугарову поэту грустно и печально от того, что не помнят его соплеменники-буряты своей родословной, своей национальной принадлежности. Самое горькое стихотворение, в котором обжигающая тоска живет, не затихая, включено в цикл «Монолог бурмона»:

Я, быть может, последний бурят-монгол,
в ком струна не утихла азийских столетий.
Я искал свою песню при солнечном свете
и запел, но покоя в душе не обрел <...>
Мне осталось молчать и сродниться с проклятой тоскою,
улыбаться и петь с искаженным от боли лицом,
и стрела, что летит сквозь века над землею,
успокоится, видимо, в сердце моем [9, с. 333].

Именно это время, отмеченное острым желанием самоидентификации в контексте непростого времени, подготовит зрелый этап жизни и творчества на рубеже XX–XIX вв. Желание самоутверждения, самоидентификации как «своей песни», желание стать самим собой для поэта неотрывно от общего движения родного бурятского этноса к национальной идентичности, к той поре национального возрождения, которое уже не за горами и начнется в начале 1990-х гг.

Процессы этнокультурного возрождения в республике вполне закономерно совпали с общей направленностью научной и творческой деятельности Дугарова. Вполне закономерно, что он был среди тех историков, этнографов, художников, кто отдал немало усилий по актуализации проблемы бурятской этничности. Много сил, физических и душевных, было отдано огромной организаторской деятельности на посту председателя правления Союза писателей Бурятии. Так, он стал идеологом и непосредственным организатором семилетнего цикла (1989–1995-е гг.) литературно-фольклорных мероприятий, посвященных 1000-летию бурятского эпоса «Гэсэр», ставшему значительным событием в культурной жизни Бурятии. Позднее, десятилетие спустя, историки определяют эти мероприятия, проходившие на всей территории этнической Бурятии и названные фестивалем «1000-летие эпоса Гэсэр», как «практическое воплощение первого этапа национального возрождения» [1]. Но, на наш взгляд, поэзия, стихотворные сборники Дугарова, подборки его стихов в журналах, газетах оказывали не меньшее воздействие на общественное сознание тех лет своим необычайно эмоциональным накалом, духовным порывом, художественно сильно выраженным чувством личной причастности к судьбе народа.

О поэзии Дугарова уже написано немало научных исследований — статей, диссертаций. В 2005 г. издана монография (пока единственная) о творчестве поэта «Символика кочевого пространства в поэзии Баира Дугарова» доктора филологических наук Людмилы Дампиловой. Ею же выражена мысль-концепция о единстве биографии и творчества поэта: «Его творческий Путь тесно сопряжен с постижением духовного Пути своего народа. В поэзии Б. Дугарова запечатлена коллективная память нации, поэт болеет душой за прошлое и будущее монгольского мира, и это в его поэзии прописано в каждой строчке, боль и гордость за свою родину чувствуется в каждом дыхании стиха» [3, с. 187]. Эти строки звучат вполне символично в свете проблем, возникающих при создании биографии народного поэта Бурятии Баира Дугарова.

Литература

1. Амоголонова Д. Д. Бурятские этнокультурные процессы в условиях трансформации российского общества (1990–2000-е годы): дис. ... д-ра ист. наук. — Улан-Удэ, 2009. — 473 с.
2. Бальбуров Э. Испытание на зрелость // Литературное обозрение. — 1981. — № 5. — С. 75–76.
3. Дампилова Л. С. 70 лет со дня рождения ученого, народного поэта Бурятии Б. С. Дугарова // Бурятия. Календарь знаменательных и памятных дат на 2017 год. — Улан-Удэ, 2016. — С. 187–189.
4. Дугаров Б. Азийский аллюр. — Улан-Удэ: Респуб. тип., 2013. — 208 с.
5. Дугаров Б. Золотое седло. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1975. — 23 с. (Первая книга поэта).
6. Дугаров Б. Лунная лань. Стихотворения. — М.: Сов. Россия, 1989. — 176 с.
7. Дугаров Б. «Музе достаточно быть просто женщиной»: интервью с Д. Батудаевой // Информ Полис. — 2012. — № 18.
8. Дугаров Б. Небосклон. Стихотворения. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1986. — 144 с.
9. Дугаров Б. Сутра мгновений. — Улан-Удэ: Респуб. тип., 2011. — 440 с.
10. Имихелова С. С. Музыкальный потенциал анафоры в книге Б. Дугарова «Азийский аллюр» // Вестник Бурят. гос. ун-та. — 2015. — Вып. 10. — С. 24–29.

POET IN THE CONTEXT OF TIME: ABOUT THE FIRST
EXPERIENCE OF BAIR DUGAROV'S LITERARY BIOGRAPHY

Svetlana S. Imikhelova

Dr. Sci. (Phil.), Prof., Department of Russian and Foreign Literature,
Buryat State University
6 Ranzhurova St., Ulan-Ude 670000, Russia
E-mail: 223015@mail.ru

The article describes the experience of creating literary biography of Buryat national poet Bair Dugarov (born in 1947). A biographer tries to define the unity between a poet and his epoch. The first half of B. Dugarov's life and work is reflected in his book "The Sutra of Moments" (2011), based on his 1982 diary. The second half can be presented by poetic and scientific activity of B. Dugarov, for description of this period a biographer should use poetic collections and scientific works, interviews and essays of the 1990–2010-ies. Complexity of a biographer's task is in searching for continuity between the later stages and the previous years, which have played an important role in poet's personality development. The complexity of the task is to see the continuity of life and creativity of these last decades with the previous stage, which played an important role in formation of the poet's personality. The essential moment in the experience of writing a biography is forming of general concept, which considers not only the literature context of 1970–2010, but also the context of the epoch itself, including the late Soviet times of 1970s — the first half of the 1980s and the post-Soviet period of the late 20th — early 21st century. Dramatic nature of the transitional period has been reflected in the process of the poet's search for self-identification, realizing his own place and significance in the national fate. All this allows us to comprehend the life and work of the Buryat poet through the context of uneasy times.

Keywords: Bair Dugarov; poet's personality development; Buryat poetry; literary process; literature of the late Soviet period; the process of national revival; national identity.